

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2026. Т. 26, № 5. С. 133–142.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2026, vol. 26, no. 5, pp. 133–142.

Научная статья
УДК 316.37(517.3)(045)
DOI: 10.37482/2687-1505-V549

Гибридная идентичность и выбор монгольской молодёжи в условиях структурных ограничений

Хишигдулам Нанжидмаа

Монгольский национальный университет образования, Улан-Батор, Монголия,
khishigdulam@msue.edu.mn, <https://orcid.org/0009-0003-6136-0130>

Аннотация. В статье анализируется противоречие между формированием глобально ориентированной гибридной идентичности монгольской молодежи и структурной неспособностью национальной экономики реализовать этот потенциал. Цель исследования – раскрыть механизмы, посредством которых гибридная идентичность как стратегический ресурс определяет образовательные, профессиональные и миграционные стратегии молодых монголов в условиях хронических дисбалансов национального рынка труда. Теоретическая рамка работы базируется на синтезе миросистемного анализа, концепций культурной гибридности и множественной идентичности, теории социального воспроизводства и конвертации видов капитала, а также подходов, описывающих вынужденную рефлексивность жизненного выбора. Методологическую основу составляет вторичный анализ статистических данных и социологических исследований (2017–2024). Показано, что языковые, образовательные и профессиональные стратегии молодежи представляют собой инструментальные практики конструирования идентичности, нацеленные на максимизацию совокупного капитала. Обнаружен ключевой парадокс: гибридность, являющаяся главным конкурентным преимуществом молодого поколения, в условиях дефицита качественных рабочих мест и несоответствия компетенций превращается в основной драйвер образовательной и трудовой эмиграции, закрепляя положение страны как экспортера человеческого капитала. Новизна работы состоит в применении интегративной теоретической рамки к анализу монгольского кейса и демонстрации системного характера описываемого парадокса. Сделан вывод о необходимости институционального перехода от пассивной социальной поддержки к политике, конвертирующей глобальные компетенции молодежи в развитие национальной экономики через синхронизацию образовательных стандартов, создание высокопроизводительных рабочих мест и программ возвратной миграции. Результаты исследования могут служить основой для разработки доказательной молодежной политики, направленной на удержание человеческого капитала и превращение эмиграционного потенциала в ресурс устойчивого национального развития.

Ключевые слова: монгольская молодежь, гибридная идентичность, рынок труда, образовательная миграция, миросистемный анализ, теория социального поля, молодежная политика, утечка мозгов

Нанжидмаа Х.

Гибридная идентичность и выбор монгольской молодёжи в условиях структурных ограничений

Для цитирования: Нанжидмаа Х. Гибридная идентичность и выбор монгольской молодёжи в условиях структурных ограничений // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2026. Т. 26, № 5. С. 133–142. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V549>

Original article

Hybrid Identity and Choices of Mongolian Youth under Structural Constraints

Khishigdulam Nanzhidmaa

Mongolian National University of Education, Ulaanbaatar, Mongolia,
khishigdulam@msue.edu.mn, <https://orcid.org/0009-0003-6136-0130>

Abstract. The study analyses the tension between the globalised hybrid identities emerging among Mongolian youth and the domestic economic structures that restrict their development. The study aims to examine how hybrid identity, as a strategic resource, shapes the educational, professional, and migratory strategies of young Mongolians amid chronic labour market imbalances. The theoretical framework integrates world-systems analysis, concepts of cultural hybridity and multiple identity, social reproduction theory, and capital conversion models, alongside sociopragmatic approaches to reflexive life choices. Methodologically, the study relies on a secondary analysis of statistical data and sociological surveys (2017–2024). The findings indicate that the linguistic, educational, and professional strategies of the youth are instrumental practices of identity construction aimed at maximising aggregate capital. A central paradox is revealed: while hybridity is the primary competitive advantage of the younger generation, the scarcity of high-quality jobs and skills mismatches transform this resource into a major driver of educational and labour emigration. This, in turn, reinforces Mongolia's position as an exporter of human capital. The study concludes that an institutional shift is needed from passive social support to policies that translate global competencies into national economic growth by aligning educational standards, creating high-productivity jobs, and implementing return-migration programmes. This research helps policymakers create better programs for young people, focusing on keeping talent at home and using the skills of those who move abroad to help the country grow.

Keywords: *Mongolian youth, hybrid identity, labour market, educational migration, world-systems analysis, social field theory, youth policy, brain drain*

For citation: Nanzhidmaa Kh. Hybrid Identity and Choices of Mongolian Youth under Structural Constraints. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2026, vol. 26, no. 5, pp. 133–142. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V549>

Введение. Монгольская молодежь начала XXI века формирует свою идентичность в уникальной точке цивилизационного пересечения. Исторически находясь на стыке кочевой культуры Великой степи, советского институционального наследия, а в последние три десятилетия – под мощным воздействием западного

индивидуализма и восточноазиатских культурных паттернов, молодое поколение монголов оказалось в эпицентре многовекторного влияния. Эта ситуация порождает не просто эклектичное смешение, а сложный процесс селективного синтеза, результатом которого становится формирование гибридной идентич-

ности. Под гибридной идентичностью в данном исследовании понимается динамическая система самоопределения, в которой элементы различных культурных моделей стратегически интегрируются агентом для решения задач социальной мобильности и навигации в глобализованном мире.

Потенциал такой идентичности огромен. Владение несколькими языками, понимание различных культурных кодов, способность адаптироваться к разным профессиональным средам – все это делает монгольскую молодежь конкурентоспособной на глобальном рынке труда¹. Согласно данным обследования MICS (Multiple Indicator Cluster Surveys – Кластерные обследования по многим показателям), 91 % населения Монголии пользуется Интернетом, а 87 % молодых людей в возрасте 15–24 лет обладают навыками в сфере информационно-коммуникационных технологий². Однако этот потенциал вступает в острое противоречие с институциональной реальностью внутри страны.

Национальный рынок труда по-прежнему характеризуется структурными дисбалансами, однако демонстрирует тенденцию к снижению общего уровня безработицы. Статистика 2024 года указывает на существенный возрастной разрыв в структуре занятости населения Монголии. При среднем уровне безработицы в 5,3–5,8 %, показатель среди молодежи (15–24 года) остается аномально высоким – 13,1 %. Данная двукратная разница подчеркивает наличие системных барьеров для интеграции молодых специалистов в экономику³. В возрастной

группе «25–29 лет» показатель фиксируется на уровне 9,2 %, что подтверждает трудности интеграции молодых специалистов на рынок труда⁴. Эти цифры отражают не временные трудности, а системный кризис, который Азиатский банк развития характеризует как фундаментальное несоответствие компетенций выпускников потребностям реального сектора⁵.

Цель данной работы – раскрыть причинно-следственную связь между формированием гибридной идентичности и социально-экономическим выбором молодежи. Центральным исследовательский вопрос: как гибридная идентичность, будучи продуктом глобализации и открытости, определяет образовательные, профессиональные и миграционные стратегии молодых монголов в условиях структурных ограничений национального рынка труда, и почему этот ресурс превращается в драйвер эмиграции, а не внутреннего развития? Актуальность работы обусловлена необходимостью переосмысления государственной молодежной политики: понимание глубинных механизмов, связывающих идентичность и экономическое поведение, позволит перейти от пассивных мер социальной поддержки к активным стратегиям удержания человеческого капитала.

Теоретическое ядро. Теоретическая рамка исследования строится на синтезе нескольких традиций современной социальной теории, включая миросистемный анализ, концепции культурной гибридности и множественной идентичности, теорию социального воспроизводства и конвертации видов капитала, а также подходы,

¹Shaping the Future: Equipping Mongolian Youth with 21st Century Skills // United Nations in Mongolia. 2024. 10 Sept. URL: <https://mongolia.un.org/en/278280-shaping-future-equipping-mongolian-youth-21st-century-skills> (дата обращения: 05.03.2026).

²Mongolia Released Key Findings from the First MICS7 Survey // Multiple Indicator Cluster Surveys. 2024. 12 Jul. URL: <https://mics.unicef.org/news/mongolia-released-key-findings-first-mics7-survey> (дата обращения: 05.03.2026).

³БҮРТГЭЛТЭЙ АЖИЛГҮЙ ИРГЭД, насны бүлэг, хүйс, аймаг, нийслэл, сараар /2008.01–2024.04/ [ЗАРЕГИСТРИРОВАННЫЕ БЕЗРАБОТНЫЕ в разбивке по возрастным группам, полу, аймакам и столице, а также по месяцам /2008.01–2024.04/] // Монгол Улсын Үндэсний статистикийн хороо [Национальный статистический офис Монголии]. URL: https://www.1212.mn/en/statcate/table-view/Labour,%20business/Labour/DT_NSO_0400_002V4.px (дата обращения: 05.03.2026).

⁴Там же.

⁵Annex 1 to Country Partnership Strategy: Mongolia, 2025–2028 // Asian Development Bank. 2025. URL: <https://www.adb.org/documents/mongolia-country-partnership-strategy-2025-2028> (дата обращения: 25.12.2025).

описывающие вынужденную рефлексивность жизненного выбора.

Монголия обладает богатыми минеральными ресурсами, но сохраняет зависимость от экспорта сырья и импорта технологий, поэтому миросистемный анализ позволяет рассматривать ее как страну полупериферии, глубоко интегрированную в глобальное разделение труда. В этой структуре мировая экономика создает неравные условия для стран ядра, полупериферии и периферии [1, с. 28]. Как отмечает М. Деметер, именно периферийные и полупериферийные страны сталкиваются с систематическим оттоком интеллектуального капитала в страны ядра, что делает образовательные и карьерные стратегии молодежи рациональным ответом на структурное неравенство [2, с. 120]. Исследования А.А. Изгарской и Г. Штайнер-Хамси конкретизируют этот тезис применительно к Монголии, показывая, как импорт образовательных моделей и политик часто усиливает периферизацию страны [3, с. 156; 4, с. 90]. Теория социального поля и капиталов дает инструментарий для анализа того, как молодые люди мобилизуют ресурсы в этом структурном контексте [5; 6]. Понятие габитуса как системы диспозиций, порождающей практики, объясняет склонность субъектов к определенным стратегиям выбора. Концепция экономического, культурного, социального и символического капиталов раскрывает механизмы конвертации ресурсов в социальном пространстве. Образование выступает институтом, легитимирующим распределение культурного капитала и конвертирующим его в экономический и символический.

Концепции гибридности и множественной идентичности отвечают на вопрос о формировании содержания идентичности в условиях культурного многообразия. Идентичность понимается не как статичная принадлежность, а как непрерывный процесс конструирования, где различные культурные влияния порожда-

ют качественно новые явления [7]. В условиях глобализации идентичности становятся множественными, фрагментированными и контекстуальными [8]. Применительно к монгольской реальности показано, как глобальные образовательные модели локально адаптируются и переосмысливаются местными акторами [9].

Теории индивидуализации и рефлексивной биографии дополняют анализ пониманием того, что в современных условиях молодые люди вынуждены самостоятельно конструировать жизненные траектории [10; 11]. В обществе риска традиционные коллективные идентичности ослабевают, и индивид становится ответственным за свою биографию. Монгольская молодежь, сталкиваясь с необходимостью выбора языков, образования, места жительства, находится в ситуации вынужденной рефлексивности.

Среди эмпирических исследований особую значимость имеют работы по проблемам безработицы монгольской молодежи [12; 13], ценностным ориентациям [14–17], этнической идентичности [18; 19], образовательному сотрудничеству [20; 21], политическим ориентациям [22] и образовательной политике [23].

Институциональный контекст: структурная ловушка молодежной политики и рынка труда. Для понимания логики индивидуального выбора необходим анализ институциональной среды. Эволюция государственной молодежной политики Монголии прошла несколько этапов. В социалистический период молодежь рассматривалась как объект идеологического воспитания и резерв рабочей силы. Переход к рыночной экономике в 1990-е годы сопровождался глубоким социально-экономическим кризисом. Качественный сдвиг произошел с принятием 18 мая 2017 года закона «О содействии развитию молодежи», который закрепил ее возрастные границы (15–34 года), направления поддержки, а также институциональную структуру в виде Национального комитета по развитию молодежи при Премьер-министре⁶.

⁶ Монгол Улсын Хууль. Залуучуудын хөгжлийг дэмжих тухай: [2017 оны 05 сарын 18-ны өдөр баталсан] [Закон Монголии. О содействии развитию молодежи: [утвержден 18 мая 2017 г.]] // Единая система правовой информации. URL: <https://legalinfo.mn/mn/detail/12658> (дата обращения: 25.12.2025).

Принятие закона сопровождалось ростом бюджетных ассигнований: по данным Программы развития ООН, объем финансирования, направляемого на молодежь, вырос с 1,2 трлн тугриков в 2017 году до 2,2 трлн тугриков в 2020 году⁷. Однако количественный рост не привел к качественному решению системных проблем. Исследователи фиксируют разрыв между целями программ и их реализацией на местах, недостаточную координацию ведомств и отсутствие преемственности [24].

Молодежная безработица носит хронический и структурный характер. По данным Национального статистического комитета Монголии за 2025 год, в группе «15–19 лет» уровень безработицы достигает 17,46 %, в группе «20–24 лет» – 7,96 %, в группе «25–29 лет» – 5,36 %, при среднем по стране – 5,13 %⁸. Уровень безработицы среди самой молодой когорты населения почти в 3 раза превышает средний по стране. Данные Всемирного банка подтверждают, что на протяжении последнего десятилетия этот показатель редко опускался ниже 15 %, демонстрируя низкую чувствительность к экономическим циклам⁹. Не менее тревожным индикатором является доля NEET-молодежи (не занятой в образовании, труде или

профессиональной подготовке), которая для Монголии остается значительной¹⁰.

Азиатский банк развития в Стратегии партнерства с Монголией на 2025–2028 годы прямо указывает на несоответствие компетенций выпускников потребностям рынка труда как ключевой вызов для рынка труда¹¹. В ноябре 2025 года был запущен проект «Развитие квалифицированной монгольской рабочей силы» с финансированием 475 млн долл., направленный на модернизацию системы профессионального образования и приведение учебных программ в соответствие с потребностями цифровой и «зеленой» экономики¹². Исследователи связывают корни этой проблемы с реформами 1990-х годов: когда система образования преобразовывалась по образцу стран с высоким уровнем доходов, что не отвечало реалиям Монголии [23, с. 59].

Согласно исследованию [13], хотя общий уровень трудоустройства выпускников вузов составляет 74,8 %, только 51 % работают по специальности. Среди основных причин – нехватка рабочих мест (42,9 %), отсутствие интереса к специальности (9,8 %) и низкая заработная плата (7,3 %) [13, с. 18–20]. Более ранние данные показали, что 58 % безработной молодежи имели диплом или сертификат об

⁷Залуучуудад чиглэсэн зарлагын шинжилгээ [Обзор расходов, ориентированных на молодежь]. Улаанбаатар, 2021. URL: <https://www.undp.org/sites/g/files/zskgke326/files/2022-05/Youth-focused%20Expenditure%20Review.pdf> (дата обращения: 07.09.2025).

⁸Mongolian Labour Force and Forced Labour Survey 2022: Final Report // National Statistics Office of Mongolia. 2024. URL: https://www.1212.mn/mn/statcate/table-view/Labour,%20business/Labour/DT_NSO_0400_020V2_2.px?subtables=LABOUR%20UNDERUTILIZATION%20RATE,%20by%20sex,%20age%20group,%20aimags%20and%20the%20Capital (дата обращения: 14.02.2026).

⁹World Bank. Youth Unemployment Rate – Mongolia // World Development Indicators. 2024. URL: <https://fred.stlouisfed.org/series/SLUEM1524ZSMNG> (дата обращения: 14.02.2026).

¹⁰ILOSTAT Country Profile: Mongolia // International Labour Organization (ILO). 2024. URL: <https://ilostat.ilo.org/data/country-profiles/mng/> (дата обращения: 27.08.2025).

¹¹Mongolia: Country Partnership Strategy (2025–2028) // Asian Development Bank. 2025. URL: <https://www.adb.org/documents/mongolia-country-partnership-strategy-2025-2028> (дата обращения: 14.02.2026).

¹²ADB, Mongolia Establish Framework Arrangement to Support Social Sector, Strengthen Disaster Resilience // ADB News. 2025. 5 Nov. URL: <https://www.adb.org/news/adb-mongolia-establish-framework-arrangement-support-social-sector-strengthen-disaster-resilience> (дата обращения: 14.02.2026).

образовании [12, с. 16]. Даже при их наличии работа часто оказывается низкокачественной: молодые специалисты сообщают о невыплате зарплаты, работе без оплаты в испытательный период и произвольных увольнениях [12, с. 24].

Парадоксальным образом меры социальной поддержки могут усугублять проблему в долгосрочной перспективе. Чрезмерный акцент на пособиях – например, ежемесячные выплаты на ребенка в размере 100 000 тугриков до 18 лет, – без привязки к активным программам занятости может оказывать дестимулирующий эффект, консервируя бедность и препятствуя формированию среднего класса¹³.

Гибридная идентичность как стратегический ресурс и механизмы ее конструирования. В описанных условиях монгольская молодежь выступает активным агентом, конструирующим гибридную идентичность как стратегический ресурс. Анализ эмпирических данных позволяет выделить три ключевых механизма этого конструирования.

Вопреки ожиданиям о размывании традиционной идентичности под влиянием глобализации, исследования фиксируют устойчивость ее базовых компонентов. Согласно данным Д.В. Ушакова, ключевыми факторами этнической идентичности учащаяся молодежь называет родной язык, территорию проживания народа и национальную принадлежность родителей [21, с. 53]. Исследования малочисленных народов Западной Монголии подтверждают, что даже в условиях урбанизации и образовательной миграции этнокультурные маркеры сохраняют свою значимость [18, с. 75–76]. Образовательная миграция внутри страны нередко ведет не к утрате, а к трансформации идентичности: локальная этническая идентичность уступает место более широкой, гражданской общемонгольской [19, с. 86].

Традиционные ценности не просто воспроизводятся, а переосмысливаются прагматически. Исследование [16] показывает, что ценностные ориентации «личная жизнь» и «здоровье» трактуются монгольской молодежью в контексте ответственности за благополучие семьи, что отражает влияние коллективистских установок [15, с. 103]. Традиция выступает не жестким императивом, а культурным ресурсом и смысловым фильтром.

Наиболее ярко активный характер конструирования идентичности проявляется в отношении к иностранным языкам. Английский воспринимается как универсальный инструмент глобальной мобильности [19; 22]. Популярность корейской поп-культуры быстро конвертируется в конкретные миграционные стратегии, делая Южную Корею приоритетным направлением для учебы и работы. Выбор китайского языка продиктован экономическим прагматизмом – на Китай приходится основная часть внешнеторгового оборота Монголии. Однако этот выбор носит инструментальный, а не эмоциональный характер: лишь 49 % молодых монголов относятся к КНР положительно [22, с. 6]. Позиции русского языка сохраняют прагматическую ценность как средства доступа к образованию в России [20, с. 117], однако его престиж среди молодежи устойчиво снижается.

Исследования ценностных ориентаций фиксируют активный синтез разнородных ценностных систем. Монгольская молодежь занимает промежуточную позицию, сочетая традиционный коллективизм с ориентацией на индивидуальные достижения [17, с. 194]. Как констатируют О.А. Персидская и Ю.В. Попков, монгольская молодежь ярко выражает ценности, связанные с реализацией личности в качестве успешного работника и профессионала, однако принципы индивидуализма, конкурен-

¹³Нээлттэй Нийгэм Форум. Цалин болон халамжийн бодлого иргэдийн хөдөлмөр эрхлэлтэд үзүүлж буй нөлөөллийн судалгаа [Исследование влияния политики заработной платы и социального обеспечения на занятость граждан]. Улаанбаатар, 2023. 88 с. URL: https://forum.mn/uploads/users/3092/files/2_TsalinBolonHalamjiinBodlogo_REPORT-Final%20ToWEB.pdf (дата обращения: 20.08.2025).

ции и соперничества практически не отражены в их системе ценностей [14, с. 201]. Это создает основу для поиска синтетических моделей развития, поощряющих коллективное сотрудничество при сохранении личной ответственности.

От идентичности к траекториям: образование, карьера, миграция. Сформированная гибридная идентичность напрямую определяет три ключевых типа социально-экономических стратегий молодежи.

Образовательные стратегии претерпели радикальную трансформацию. Если в советский период выбор был практически предопределен, то сегодня молодежь сталкивается с множественностью опций. Восточная Азия остается доминирующим направлением: только в Университете Сукмён число монгольских студентов увеличилось в 8,8 раза за год¹⁴, Япония в 2025 году запустила 12-летнюю стипендиальную программу Sasakawa для 1000 студентов из сельских районов¹⁵. Государство институционализирует эти процессы через программу «Илгээлт 2100», предусматривающую систематическую отправку студентов в ведущие зарубежные университеты; в 2025–2026 годах программа охватывает уже 21 страну¹⁶.

Монгольская молодежь демонстрирует высокие профессиональные амбиции в сферах международного бизнеса, информационных технологий, дипломатии, медицины и естественных

наук. Однако эти амбиции вступают в жесткое противоречие с реальной структурой рынка труда, сосредоточенного в горнодобывающей промышленности, сельском хозяйстве и низкоквалифицированном секторе услуг, что порождает феномен «образованной безработицы». Ситуацию усугубляет то, что родители осознанно стремятся организовать будущее детей в городе [25, с. 144]. Это создает мощный поток внутренней миграции в Улан-Батор, служащий трамплином для международной эмиграции.

В таких условиях миграция перестает быть исключением и становится рациональной стратегией жизненного пути. По данным Международной организации по миграции за 2024 год, 6,1 % домохозяйств Монголии имеют одного или более членов семьи, проживающих за рубежом не менее 6 месяцев¹⁷. Средний возраст мигранта составляет 32,1 года. Основные цели – работа (44,3 %) и образование (35,9 %). Экономическое значение миграции огромно: за 12 месяцев такие домохозяйства получили от эмигрировавших членов денежных переводов на 124,2 млрд тугриков и товарных отправок на 24,8 млрд тугриков, причем 82,3 % переводов направляется на покрытие повседневных нужд семей, что закрепляет миграцию как элемент социально-экономической системы страны¹⁸.

Заключение. Монгольская молодежь в условиях многовекторного влияния демонстри-

¹⁴Sookmyung Women's University. Sookmyung Concludes Official Visit to Mongolia, Expanding Cooperation into Life Sciences and Agriculture // Sookmyung News. 2025. 11 Dec. URL: <https://www.sookmyung.ac.kr/en/news/smn-news.do?mode=view&articleNo=91373> (дата обращения: 14.02.2026).

¹⁵Japan-Mongolia Sasakawa Scholarship Program to Be Implemented for 12 Years // MONTSAME News Agency. 2025. 27 June. URL: <https://montsame.mn/en/read/373056> (дата обращения: 14.02.2026).

¹⁶President of Mongolia Hands Over Letters of Purpose and Motivation to the Recipients of the “President’s Scholar-2100” Scholarship // MONTSAME News Agency. 2025. 7 Feb. URL: <https://www.montsame.mn/en/read/361472> (дата обращения: 14.02.2026).

¹⁷IOM Mongolia. Монгол Улсын иргэдийн гадаадад шилжих хөдөлгөөн ба гадаадад хувийн шилжүүлэг, тэдгээрийн үр нөлөө: Өрхөд суурилсан судалгааны тайлан [МОН Монголия. Эмиграция граждан Монголии и частные денежные переводы из-за рубежа, их влияние: отчет об исследовании домохозяйств]. Улаанбаатар, 2024. URL: <https://ikon.mn/n/3fjw> (дата обращения: 15.11.2025).

¹⁸Там же.

рует способность к активному, селективному и инструментальному конструированию сложной гибридной идентичности. Эта идентичность базируется на устойчивом этническом фундаменте, специфическом ценностном синтезе коллективизма и ориентации на индивидуальные достижения и прагматичном владении несколькими языками как инструментами доступа к глобальным ресурсам.

Ключевой парадокс состоит в том, что этот ресурс оказывается невостребованным внутри страны. Структурные дисбалансы рынка труда, дефицит качественных рабочих мест, несоответствие компетенций и практики эксплуатации молодых работников превращают гибридную идентичность из потенциального драйвера развития в основной фактор эмиграции. Молодежная политика, эволюционировав от советской модели к современной, так и не смогла преодолеть разрыв между формальными институтами и реальными потребностями молодежи. Система образования

продолжает воспроизводить кадры, не адаптированные к запросам национальной экономики.

Преодоление описанного кризиса требует институционального прорыва по нескольким направлениям: синхронизации образования и прогнозов развития рынка труда; создания качественных рабочих мест в несырьевых секторах; разработки программ возвратной миграции и использования потенциала диаспоры. Дальнейшие исследования должны быть направлены на лонгитюдный анализ карьерных траекторий выпускников вузов Монголии, кросс-культурные сравнения с постсоциалистическими странами полупериферии, а также изучение трансформации семейных структур и идентичности детей мигрантов. Только глубокое понимание этих процессов позволит превратить энергию молодого поколения из экспортного товара в реальный драйвер устойчивого развития Монголии.

Список литературы

1. *Wallerstein I.* World-Systems Analysis: An Introduction. Durham, 2004. 109 p.
2. *Demeter M.* The World – Systemic Dynamics of Knowledge Production: The Distribution of Transnational Academic Capital in the Social Sciences // *J. of World-System Res.* 2019. Vol. 25, № 1. P. 111–144. <https://doi.org/10.5195/jwsr.2019.887>
3. *Изгарская А.А.* Образовательное неравенство в современной Монголии: к проблеме социокультурных трансформаций периферизируемых обществ // *Философия образования.* 2022. Т. 22, № 2. С. 82–98. <https://doi.org/10.15372/PHE20220206>
4. *Steiner-Khamsi G.* Vouchers for Teacher Education (Non) Reform in Mongolia: Transitional, Postsocialist, or Antisocialist Explanations? // *Comparative Education. Rev.* 2005. Vol. 49, № 2. P. 148–172.
5. *Бурдье П.* Социология социального пространства / пер. с фр.; отв. ред. пер. Н.А. Шматко. М.; СПб., 2005. 288 с.
6. *Bourdieu P.* The Forms of Capital // *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education* / ed. by J.G. Richardson. N. Y., 1986. P. 241–258.
7. *Bhabha H.K.* The Location of Culture. London, 1994. 285 p.
8. *Hall S.* Introduction: Who Needs “Identity”? // *Questions of Cultural Identity* / ed. by S. Hall, P. du Gay. London, 1996. P. 1–17.
9. *Steiner-Khamsi G., Stolpe I.* Educational Import: Local Encounters with Global Forces in Mongolia // *Educational Policy.* 2005. Vol. 19, № 3. P. 471–497.
10. *Beck U.* Risk Society: Towards a New Modernity / transl. by M. Ritter. London, 1992. 260 p.
11. *Giddens A.* Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. Cambridge, 1991. 256 p.
12. *Алтансүх М., Заяхүү Ц., Энхбаатар И. и др.* Залуучуудын ажилгүйдэл, эдийн засгийн идэвхгүй байдал [Безработица и экономическая неактивность молодёжи]. Улаанбаатар, 2017. 64 с.

13. Мөнхзул Л., Нямсүрэн Д., Бүжинлхам Б., Амаржаргал Г. Хөдөлмөр эрхлэлтийг дэмжих бодлого, үйл ажиллагаа, санхүүжилтийн өнөөгийн байдалд хийсэн дүн шинжилгээ [Анализ политики содействия занятости]. Улаанбаатар, 2022. 80 с.
14. Персидская О.А., Попков Ю.В. Сочетание западной и восточной систем ценностей у современной монгольской молодежи // Монгольский мир между Востоком и Западом. Новосибирск, 2014. С. 196–201.
15. Ульянова Н.Ю., Отгонбаяр Э. Особенности ценностных ориентаций российской и монгольской молодежи // Психология, социология и педагогика. 2015. № 6. С. 1–6.
16. Цэцэгмаа Ц., Инкижинова С.А. Сравнительные подходы к изучению ценностей и жизненных ориентиров российской и монгольской молодежи // Journal Business and Innovation (Бизнес & Инновации) 2023. Т. 4, № 3. С. 95–105.
17. Дугарова Т.Ц., Бадиев И.В. Культурно-ценностные ориентации российских и монгольских студентов // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Психология и педагогика. 2017. Т. 14, № 2. С. 190–200. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2017-14-2-190-200>
18. Беспалов А.М., Прудникова М.М., Нямдорж Б., Ундармаа Д. Этническая идентичность малочисленных народов Западной Монголии // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2018. № 431. С. 70–80. <https://doi.org/10.17223/15617793/431/9>
19. Каманджаев Н.А., Намруева Л.В. Калмыцкая и западно-монгольская молодежь: выбор этнической идентичности // Изв. высш. учеб. заведений. Социология. Экономика. Политика. 2018. № 4. С. 81–90.
20. Ушаков Д.В. Российско-монгольское образовательное сотрудничество: от моделей к реализации (часть II) // Философия образования. 2019. Т. 19, № 1. С. 111–126. <https://doi.org/10.15372/PHE20190109>
21. Ушаков Д.В. Этнокультурные ценности учащейся молодежи Монголии // Философия образования. 2020. Т. 20, № 4. С. 48–64. <https://doi.org/10.15372/PHE20200404>
22. Бямбаханд Л., Соёлгэрэл Н., Пүрэвсүрэн Ө. и др. Монголын залуучууд ба дэлхий дахин – 2021 он [Монгольская молодёжь и мир – 2021]. Улаанбаатар, 2021. 56 с.
23. Хишигдулам Н., Ичинхорлоо Ш., Изгарская А.А. Образовательная политика в современной Монголии: ключевые этапы и тенденции // Философия образования. 2024. Т. 24, № 3. С. 52–71. <https://doi.org/10.15372/PHE20240304>
24. Ганхуяг А. Государственные меры по решению социальных проблем современной молодежи Монголии // Теория и практика обществ. развития. 2018. № 1(119). С. 22–24. <https://doi.org/10.24158/tipor.2018.1.4>
25. Терентьев В.И. Городская идентичность современных монгольских кочевников // Изв. Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16, № 3(36). С. 141–149. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-3-141-149>

References

1. Wallerstein I. *World-Systems Analysis: An Introduction*. Durham, 2004. 109 p.
2. Demeter M. The World – Systematic Dynamics of Knowledge Production: The Distribution of Transnational Academic Capital in the Social Sciences. *J. of World-System Res.*, 2019, vol. 25, no. 1, pp. 111–144. <https://doi.org/10.5195/jwsr.2019.887>
3. Izgarskaya A.A. Educational Inequality in Modern Mongolia: On the Problem of Socio-cultural Transformations of Peripheralised Societies. *Filosofiya obrazovaniya*, 2022, vol. 22, no. 2, pp. 82–98 (in Russ.). <https://doi.org/10.15372/PHE20220206>
4. Steiner-Khamisi G. Vouchers for Teacher Education (Non) Reform in Mongolia: Transitional, Postsocialist, or Antisocialist Explanations? *Comparative Educ. Rev.*, 2005, vol. 49, no. 2, pp. 148–172.
5. Bourdieu P. *Sociology of Social Space*. Moscow, St Petersburg, 2005. 288 p. (in Russ.).
6. Bourdieu P. The Forms of Capital. *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. New York, 1986, pp. 241–258.
7. Bhabha H.K. *The Location of Culture*. London, 1994. 285 p.
8. Hall S. Introduction: Who Needs “Identity”? *Questions of Cultural Identity*. London, 1996, pp. 1–17.
9. Steiner-Khamisi G., Stolpe I. Educational Import: Local Encounters with Global Forces in Mongolia. *Educational Policy*, 2005, vol. 19, no. 3, pp. 471–497.
10. Beck U. *Risk Society: Towards a New Modernity*. London, 1992. 260 p.
11. Giddens A. *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Cambridge, 1991. 256 p.

12. Altansukh M., Zayakhuu Ts., Enkhbaatar I. [et al.] *Youth Unemployment and Economic Inactivity*. Ulaanbaatar, 2017. 64 p. (in Mong.).
13. Monkhzul L., Nyamsuren D., Buzhinkham B., Amarzhangal G. *Analysis of Employment Promotion Policy*. Ulaanbaatar, 2022. 52 p. (in Mong.).
14. Persidskaya O.A., Popkov Yu.V. The Combination of Western and Eastern Value Systems among Modern Mongolian Youth. *The Mongolian World Between East and West*. Novosibirsk, 2014, pp. 196–201 (in Russ.).
15. Ul'yanova N. Yu., Otgonbayar E. Peculiarities of Value Orientations of Russian and Mongolian Youth. *Psikhologiya, sotsiologiya i pedagogika*, 2015, no. 6, pp. 1–6 (in Russ.).
16. Tsetsegmaa Ts., Inkizhinova S.A. Comparative Approaches to the Study of Values and Life Orientations of Russian and Mongolian Youth. *Journal of Business and Innovation*, 2023, vol. 4, no. 3. pp. 95–105 (in Russ.).
17. Dugarova T.Ts., Badiev I.V. Cultural and Value Orientations of Russian (Russians and Buryats) and Mongolian Students. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 2017, vol. 14, no. 2, pp. 190–200 (in Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2017-14-2-190-200>
18. Bepalov A.M., Prudnikova M.M., Nyamdorzh B., Undarmaa D. Ethnic Identity of Small Ethnic Groups in Western Mongolia. *Tomsk State University Journal*, 2018, no. 431, pp. 70–80 (in Russ.). <https://doi.org/10.17223/15617793/431/9>
19. Kamandzhaev N.A., Namrueva L.V. Kalmyk and West Mongolian Youth: The Choice of Ethnic Identity. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Sotsiologiya. Ekonomika. Politika*, 2018, no. 4, pp. 81–90 (in Russ.).
20. Ushakov D.V. Russian-Mongolian Educational Cooperation: From Models to Implementation (Part II). *Filosofiya obrazovaniya*, 2019, vol. 19, no. 1, pp. 111–126 (in Russ.). <https://doi.org/10.15372/PHE20190109>
21. Ushakov D.V. Ethnocultural Values of Students in Mongolia. *Filosofiya obrazovaniya*, 2020, vol. 20, no. 4, pp. 48–64 (in Russ.). <https://doi.org/10.15372/PHE20200404>
22. Byambakhand L., Soyolgerel N., Purevsuren O. [et al.] *Mongolian Youth and the World – 2021*. Ulaanbaatar, 2021. 56 p. (in Mong.).
23. Khishigdulam N., Ichinkhorloo Sh., Izgarskaya A.A. Educational Policy in Modern Mongolia: Key Stages and Trends. *Filosofiya obrazovaniya*, 2024, vol. 24, no. 3, pp. 52–71 (in Russ.). <https://doi.org/10.15372/PHE20240304>
24. Gankhuyag A. State Measures for Solving Social Problems of Modern Youth in Mongolia. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2018, no. 1, pp. 22–24 (in Russ.). <https://doi.org/10.24158/tipor.2018.1.4> (In Rus.).
25. Terent'ev V.I. Urban Identity of Modern Mongolian Nomads. *Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologiy*, 2020, vol. 16, no. 3, pp. 141–149 (in Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-3-141-149>

Информация об авторе

Х. Нанжидмаа – преподаватель кафедры английского и немецкого языков Монгольского национального университета образования.

Information about the author

Khishigdulam Nanzhidmaa, Lecturer at the Department of English and German Languages, Mongolian National University of Education.

Поступила в редакцию 24.03.2026

Одобрена после рецензирования 22.06.2026

Принята к публикации 25.06.2026

Submitted 24 March 2026

Approved after reviewing 22 June 2026

Accepted for publication 25 June 2026